Топаж М.
г. Санкт-Петербург

Следы большой истории в маленькой географии

Понятие «история» можно трактовать по-разному. Есть большая история – история древнего мира, история России, история КПСС – то, что мы проходили (или, слава богу, уже не проходим) на одноимённых уроках. В учебнике мы читаем о великих событиях, людях, исторических эпохах, общественных строях и т.п. Большая история описывает эволюцию человеческого общества и общественных отношений с течением времени. При этом задачей историка зачастую становится анализ множества фактов и формулирование на основе этого анализа глобальных исторических тенденций. Полигоном большой истории являются крупные географические объекты: Земля, континент, страна. Проводя математическую аналогию, историк каждый момент времени как бы усредняет характеристики состояния по всем точкам или локальным регионам объекта изучения, находя в результате некий общий для него вектор развития.

Но время течёт не только для страны, но и для области, города, деревушки. У каждого их этих «маленьких» географических объектов есть своя история. Конечно, она является частью большой истории страны или планеты и во многом повторяет её в миниатюре. Следы «стоп-кадры» большой истории – это не только монументальные памятники в столицах или центральные архивы. Приметы течения времени как в виде материальных свидетельств, так и в виде воспоминаний людей можно найти в любой глубинке. По ним можно (и, зачастую, бывает очень интересно) восстановить малую историю конкретного уголка нашей страны и сравнить её с большой историей России. При этом в чём-то малая история будет подобна большой, подчиняться её тенденциям и законам, а в чём-то будет проявлять уникальные специфические черты.

В качества носителя малой истории можно выбрать Болготовскую волость Опочецкого района Псковской области. Это родина моей бабушки и то место, где я почти полностью провожу каждое лето. Несколько деревенек, о которых я собираюсь написать – ничтожный, казалось бы, клочок малоплодородной земли в масштабе огромной страны, непредставляющий никакой исторической ценности. Однако и на такой маленькой территории можно найти «стоп-кадры» большой истории. Мне кажется, что именно здесь и нужно их искать – здесь, в деревне, где нет ничего лишнего, остаётся всё только самое искреннее и важное для нас с вами. В этой псковской глубинке ещё живы эти, даже не кадры, а следы. Следы истории, ещё не до конца стёртые с лица земли, на протяжении всего времени возделываемой крестьянами.

Некоторые из этих следов впечатываются в будущую историю прямо на наших глазах. И если мы уловим их, то сможем с пониманием посмотреть вслед уходящему времени.

Строительство и значение Воскресенской церкви в деревне Теребени

Сейчас Теребени – обычная, на первый взгляд, ничем не примечательная деревня в псковской глубинке. А ведь исторически это старинное опочецкое село.

Вполне вероятно, что населённый пункт на этом месте существовал ещё тысячу лет назад. Конечно, прямых доказательств этого утверждения нет, но есть косвенные. По рассказу священника теребенской церкви на территории храма возле излучины реки Серебрянки была неолитическая стоянка – возможно, на этом месте было некое языческое культовое место, должно быть, посвящённое Перуну, поскольку церковь возвышается над прилегающей местностью. Капища же на низменных местах могли посвящаться богу Велесу. Недалеко от этих мест обнаружено 17 курганов, там можно обнаружить каменные кресты. На самом же церковном кладбище есть каменный идол (http://www.opochka.ru).

Но самым ранним временем, о котором могут точно сказать ещё не совсем размытые следы истории, можно назвать лишь XVII в. Зачастую сельские люди всю свою жизнь работают, возделывают поле рядом с ценнейшим историческим памятником, не задумываясь о том, что он уже на их глазах стирается с лица вспаханной крестьянином земли.

Ярчайший пример таких памятников – Воскресенская церковь в деревне Теребени. Очевидно, что до постройки храма на этом же месте стояла другая, тоже деревянная, церковь. По утверждению священника ещё в XV веке, а к середине XVIII века пришла в ветхость.

Первое известное письменное описание церкви относится к 1764г. «…оная церковь деревянная, в ней три престола Воскресения Христова, Варвары Великомученицы и Знамения Богородицы…построена по указу Синода (http://www.opskove.ru).

Существующая сегодня Воскресенская церковь была построена в 1776 году. Но интересны разногласия источников касательно того, кто был основным инициатором, и на чьи средства велось строительство храма. В некоторых письменных работах, в труде Софийского Л.И. «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414-1914гг.)», а также в книге Л.Макеенко «Замечательные люди Опочецкого уезда» говорится, что строительство велось по инициативе помещика Караулова. Веским доказательством служит захоронение Карауловых на почётном месте, на церковном кладбище возле самого храма.

Однако не следует упускать из виду другие, более современные мнения на этот счёт. Во многих источниках упоминается о том, что церковь строил сам владелец многих сёл и деревень окрест села Теребени – Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов, отец известного русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова, по обету. «Что это был за обет, в деталях уже не восстановить, но считается, что связан он был с его сыном Михаилом. Как известно, нрав у Кутузова-младшего был ещё тот. Вот и просит Илларион Матвеевич всевышнего образумить и остепенить своё чадо, и просьбу свою подкрепляет строительством церкви»(4, с.23). Эти утверждения подкрепляет захоронение самого Иллариона Голенищева-Кутузова с его женой, находящееся в самой церкви.

Илларион Матвеевич скончался в 1784 году. Он похоронен в одном из пределов теребенской церкви. Интересно, что приделы были освящены в 1778 году, а сам храм Воскресения Христова - в 1791г.

Склеп с расположенным в нём двумя гробами обнаружили священник церкви отец Георгий (Георгий Мицов) и его жена матушка Валентина 21 августа 1991 года, во время распада Советского Союза, из-за чего открытие не привлекло внимания. Матушка Валентина рассказывает:

- Едва успела я задремать, как прибегает Олежек с криком: «Мама, мама, там склеп и два гроба!» Я тут же – к месту событий. Спустились в подпол. Смотрю: кирпичная стена и лаз в ней (сверху кирпичи сняты). Я туда, конечно же, влезла. С фонариком. И очутилась в склепе, в центре которого, на возвышении, стояли два закрытых гроба. Я раскрыла деревянные створки одного из гробов, подняла крышку и … И обомлела…

Перед ней лежало прекрасно сохранившееся тело Голенищева-Кутузова.

-…Придя в себя, я раскрыла второй гроб. Там я увидела лишь истлевшие косточки на дне…

Раньше могилы Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова и его жены Анны (И)Ларионовны Бедринской искали довольно продолжительное время, ведь его родовое поместье находилось всего в километре от теребенского погоста – в сельце Ступино (4). Любопытно, что помещик был похоронен со своей первой женой, невзирая на то, что скончался, будучи женатым уже на другой женщине. Интересен и тот факт, что Анна скончалась в 1755 году, а, как уже было упомянуто выше, сами церковные приделы были освящены на 22 года позже. Также остаётся загадкой, почему его тело было забальзамировано, вследствие чего оно напоминает великолепно сохранившуюся мумию с прекрасно распознаваемыми чертами лица и в почти не истлевшем генеральском костюме с наградами, а Анна была просто положена в гроб, из-за чего тело уже не возможно идентифицировать. В книге Л. Макеенко «Замечательные люди Опочецкого уезда» есть ответ на этот вопрос. Оказывается, его старший сын полководец Михаил Илларионович в то время находился в действующей армии на юге России, и, получив известие, что «отец его в недавнем времени умре», испросил отпуск до ноября и немедля отправился в родные псковские вотчины. Но очевидно, что добраться за короткое время до севера России он не мог, и отсюда вытекает версия о причинах бальзамирования тела его отца. Возникает также вопрос, почему два с лишним века склеп был так глубоко спрятан и оставался тайной. Скорее всего, это связано с Указом Екатерины II, согласно которому дворянам запрещалось хоронить умерших родственников в родовых склепах, что в то время было довольно распространено в аристократических семьях. Илларион Матвеевич и его жена были похоронены в склепе в нарушение Высочайшего указа. Не исключено, что их с самого начала похоронили тайно.

Ныне мощи отца великого полководца-победителя остаются там же, где их обрели.

Сама Воскресенская церковь внешне уникальна уже тем, что она деревянная. В настоящее время в Псковской области осталось очень мало памятников деревянного зодчества XVIII и более ранних веков. Однако в те времена в одном Опочецком уезде их было около двадцати.

Здание расположено на возвышенном, но плоском берегу реки Серебрянки, которую многие местные жители называют «Теребенкой», что тоже, должно быть повелось ещё с давних времён. Этот памятник архитектурного зодчества импонирует многоаспектностью пространственной композиции: его восьмерики и шатёр видны за несколько километров. Здание типа восьмерик на четверике; с запада к прямоугольному в плане одноаспидному четверику примыкает небольшая трапезная, с юга и севера одноаспидные приделы того же типа. Многоярусная XIX в. шатровая колокольня соединена с трапезной крытым переходом. Главное

помещение храма вертикальной и внушительной пространственностью (8.5т на 8 м), с вытянутой по поперечной оси трапезной (5.5 на 8 м). Оно сообщается широким проёмом. Церковь поставлена на каменном (гранитный валун) фундаменте. Стены сделаны из брёвен (диаметром 25-30см), рубленных «в лапу», обшиты тёсом и покрыты небесно-голубой краской.

Среди внутреннего убранства храма предметом особой ценности считается резной иконостас XVIII века. В целом интерьеры Воскресенской церкви насыщены произведениями древнерусской станковой живописи XVII – начала XVIII веков. Это иконы: «Сошествия во ад», «Вход в Иерусалим» (разм. 75 на 52 см), «Преображение», «Троица», «Сретение», «Христос-Вседержитель». Иконы из диесусного чина: «Арх. Михаил и Гавриил», «Павел и Пётр», «Богоматерь», «Иоанн Предтеча» (размер икон 130 на 71 см), «Благоразумный разбойник» (размер. 204 на 57 см), «Два пророка – Елисей и Илия».

Мне очень повезло, что я могу не только увидеть историю, в данном случае теребенскую церковь, но и почувствовать её, разобраться в ней. Я могу постучаться в дверь к отцу Георгию и попросить рассказать что-то о церкви с его точки зрения, я могу узнать то, о чём никогда не разведают журналисты. Отец Георгий между делом рассказал много любопытных фактов, а ведь именно из таких фактов зачастую складывается последовательная картина времени. Мне было интересно обнаружить, что лица святых на некоторых иконах в церкви как две капли воды похожи на лица Петра I и императрицы Елизаветы, я могла свободно листать древнюю церковную книгу XVI века, которая прекрасно сохранилась. Ведь, наверное, всё это что-нибудь значит?..

Владения Голенищевых-Кутузовых в Опочецком уезде

«О том, что ветви, идущие от основателя рода Голенищевых-Кутузовых Гавриила прочно обосновались на Псковской земле, говорят копии жалованных грамот царей Михаила Фёдоровича, Алексея Михайловича. Фёдора, Иоанна и Петра Алексеевичей Романовых, хранящиеся в Псковском архиве» (4, с.17). В исповедальных росписях Ильинской церкви погоста Влиц Пусторжевского уезда за 1741 год за поручиком Матфеем Ивановым сыном Голенищевым-Кутузовым числятся здоровые душив с. Фёдоровском, Перовском, а также в деревнях Игнатово, Кнышево, Суботкино, Малофеево, Труфаново, Пещевицы, Мысково, Лутово, Дарня, Горки, Павлово. С 1753 года эти земли числятся за его сыном Ларионом Матвеевичем – отцом великого русского полководца.

Генерал-майор Ларион Матвеевич Голенищев-Кутузов в формулярном списке 1769г. сообщает, что ему «…от роду 51 полный год, их дворян и за ним в Пусторжевском, Луцком (Великолукском) и Новгородских уездах 443 мужских души крестьян…»(4, с.18).

В 1733 году он поступил в Петербургскую военно-инженерную школу. Так началась его продолжительная (37 лет) военная служба. В марте 1763 года Илларион Матвеевич становится инженер-генерал-майором. За свои многочисленные заслуги (усердие, проявленное в строительстве Кронштадского канала в Санкт-Петербурге, работа в департаменте, занимающемся русскими крепостями в Прибалтике, участие в изыскательных работах по постройке канала между Волгой и озером Ильмень, и, наконец, разработка проекта Екатерининского

канала, ограждавшего Петербург от наводнений), он был удостоен милости и внимания императрицы. Инженер-генерал-майор Голенищев-Кутузов отличился в сражениях при Рябой Могиле, реке Ларге и Кагуле, в которых также принимал участие его младший 16-летний сын – флигель-адъютант Семён Голенищев-Кутузов. В сентябре 1770 года Лариону Матвеевичу в согласии с его рапортом, поданным на имя императрицы, была дана отставка с награждением чином инженер-генерал-поручика.

Илларион Матвеевич возвращается в свои родные края и поселяется в сельце Ступино. Кроме Ступино ему принадлежали деревни: Бабеево, Подъельна, Скарохново, Федорково, Васково и Варыгино. Всего в них было 275 душ крестьян.

Интересно, что в XVIII веке было чёткое разделение между деревнями, сельцами и сёлами. И если последние различались по принципу количества домов и трудоспособных крестьян мужского пола, то от деревень их отличало наличие в сёлах и сельцах барской усадьбы.

В сельце Ступино жил сам Ларион Матвеевич со своей младшей дочерью Дарьей. Совершенно ясно, что его старший сын Михаил не мог родиться в Ступино, потому что жена Лариона Матвеевича, будучи беременной Михаилом, жила у своих родителей – опочецкого, псковского и гдовского помещика Лариона Захаровича Бедринского и его жены Прасковьи Моисеевны, пока Илларион Матвеевич находился в постоянных разъездах. В это самое время сельцо Ступино принадлежало помещику Богдану Васильевичу Козадавлеву. Илларион Матвеевич приобретает Ступино между 1753-55 годами. В 1755 году Ступино и другие деревни, принадлежавшие ранее Козадавлеву, замечаются уже за отцом полководца. Родился же Михаил Илларионович в 1747 году.

После смерти Лариона Матвеевича Голенищева-Кутузова, согласно завещанию, по всем правилам все его недвижимые владения переходили к двум его сыновьям – Михаилу и Семёну.

Однако в письме 1804 года к своей жене Екатерине Михаил Илларионович сообщает ей о недееспособности Семёна: «…забыл тебе сказать, что дорогою я заезжал к брату С.Л. и по несчастью нашёл его, кроме что тих, в прежнем состоянии. Много очень говорил о трубе и просил меня от этого несчастья его избавить и рассердился, когда ему стал говорить, что этакой трубы нету». Таким образом, Семён, живущий в своём сельце Фёдоровском Великолукского уезда, владел д.д. Труфанова, Пещевицы, Невежино, Чернишкино, Телятево, Ратково, а в Афанасьевском погосте Опочецкого уезда – д.д.Бельшино, Артюхово, Макавейково, Гаврильцово и находился под опекунством. Семён Илларионович скончался в 1834 году и был похоронен на кладбище Преображенской церкви погоста Алиц (Локня). Сейчас от памятника остался один постамент, на котором высечено: «Семён Илларионович Голенищев-Кутузов, родной брат светлейшего князя Смоленского».

По ревизии 1794-1795 годов за Михаилом Илларионовичем Голенищевым-Кутузовым числятся сельцо Ступино, деревни Подъельно, Скарохново, Мяхково, Бабеево, Васково, Богданово, Окунево, Бараусово, Рязаново, Скаморохово, Дятлово, вновь поселённая д. Гребнево – всего 438 крестьян. Михаил Илларионович редко посещал родные места.

Что касается дочерей Иллариона Матвеевича, то хоть по завещанию им недвижимая собственность не передавалась, Михаил Илларионович проявлял о них

заботу. Из писем Анны – старшей дочери Лариона Матвеевича – следует, что их отец завещал братьям платить за дочерей недоимки. В 1812г. полководец выхлопотал пожизненную пенсию в 2 тысячи рублей в год для своей младшей сестры Дарьи. До смерти своего отца Дарья Илларионовна жила в Ступино, и после кончины Л.М. Голенищева-Кутузова осталась без имения. Братья решили этот вопрос полюбовно, и 10 ноября 1784 года Дарье выделили часть своих имений. Большая часть владений, отданных Дарье, числилась за Семёном, в том числе и с. Матюшкино. По уже упомянутой ревизии за Д.И. Голенищевой-Кутузовой числятся также деревни Шишкино, Косткино, Алферово, Максимово, Лушаново, Варыгино, Кренево (Тарханово), Барадино, Ниченка, Копытово, Жолобово. Всего в них было 300 душ крестьян. В том же году Дарья Ларионовна обращается в Синод с разрешением построить в с. Матюшкино церковь, которая сохранилась до наших дней.

Старшая же дочь Л.М. Голенищева-Кутузова Анна (1746г.р.) в 1767 году вышла замуж за отставного лейб-гвардии капитан-поручика Осипа Петровича Ушакова. В Опочецком уезде ему принадлежали с. Стрелицы, с. Кадниково, а также деревни Коровкино, Поряднино, Ширыгино, Пляшова гора, Бысвено и другие. После смерти мужа в 1789 году Анне Илларионовне были оставлены имения в гдовском уезде.

Если внимательно посмотреть на карту Псковской области, а ещё лучше, - Опочецкого района, можно увидеть эти самые названия деревень, от которых веет ещё XVIII веком. В деревне Ступино я отдыхаю каждое лето, там корни моей бабушки. Есть много деревень, с жителями которых мы общаемся каждый день и куда постоянно ходим за грибами: Бабеево, Федорково, Мышино. Конечно, деревни вымирают, и кое-где живут всего по два-три жителя. Но ведь названия на карте есть, а пока они есть, история ещё не совсем забыта.

Сейчас на месте того сельца Ступино, где когда-то было поместье Голенищевых-Кутузовых, простирается поле, которое даже невозможно обработать, потому что мешают старые неподъёмные камни – всё, что осталось от некогда крепких домов. По ним невозможно ничего восстановить – ведь не известно даже, с какого века они здесь лежат. Сегодня Ступино – это маленькая вымирающая деревенька, расположенная чуть дальше поля. Её жители называют место, где была усадьба, старым Ступино. Только барин там не живёт, даже корова не пасётся, потому что старушке слишком тяжело её водить на поле.

Усадьба Бороздиных в селе Ладино

Опочецкий уезд отличался от других уездов губернии своими владениями. Если у большинства псковского дворянства было от 25 до 60 душ крепостных крестьян, то в Опочецком уезде было несколько очень крупных вотчинных владений с числом крепостных от 250 до 800 и свыше душ крестьян. Последние, как правило, принадлежали опочецким дворянам, вышедшим из опочецкого служилого (поместного) казачества. Интересно, что помещиками в населённых пунктах, о которых идёт речь, были весьма известные и значимые люди России.

К ним можно отнести Николая Петровича Яхонтова, родившегося в 1764 году в семье опочецкого и пусторжевского помещика в с. Кунино. Его имя известно многим любителям музыки – он автор двух написанных в конце XVIII века опер

«Сильф» и «Король и пастух». Интересно, что либретто к этим операм написал его друг и родственник, известный архитектор и поэт Н.А. Львов. Большую часть своей жизни Н.П. Яхонтов провёл в своём имении Туховик Псковского уезда.

Возвращаясь к семье Голенищевых-Кутузовых, можно сказать, что Михаил Илларионович был связан с Опочецким уездом ещё и тем, что деревней Высоцкое теребенского прихода владел помещик Бибиков, родственник жены полководца Екатерины Бибиковой – дочери инженер-генерал-поручика Ильи Александровича Бибикова.

И, несомненно большого внимания заслуживает усадебный дом помещиков Бороздиных, находящийся в селе Ладино. Несмотря на то, что Ладино относится уже к Новоржевскому району, оно находится недалеко от описываемых мест.

Первые Бороздины появились на Псковской земле ещё в начале XVII века. Семён Васильевич Бороздин был опочецким воеводой и получил за свою службу поместье Ладино. Там он построил большой кирпичный двухэтажный дом. Это поместье потомки Бороздина получили как вотчину в конце XVIII века. Одним из владельцев усадьбы был Константин Матвеевич Бороздин – академик, современник и приятель А.С. Пушкина, часто навещавший своё родовое имение Ладино. Последним владельцем перед Октябрьской революцией был Корнилий Матвеевич Бороздин.

Автор-строитель усадьбы в целом неизвестен, но парк, некоторые пристройки и каменная церковь были построены в 1764-1767гг. при Корнилии Богдановиче Бороздине – генерал-аншефе (1708-1773). Корнилий Богданович был участником Русско-турецкой войны под командованием Суворова, принимал участие в битвах при Ларге и Кагуле, был награждён многими орденами. Он родился и умер в усадьбе Ладино.

Усадьба и парк расположены на возвышенности и разделены дорогой, идущей из деревни Столбушино к шоссе Опочка-Новоржев, на две части. Планировка парка неплохо сохранилась, несмотря на то, что часть аллей заросло кустарником. В парке было два фруктовых сада. Территорию парадного двора оформляли сирень, жасмин и другие декоративные растения. От парадного крыльца дома к пруду с островом уединения ведёт липовая аллея с террасами, заканчивающаяся беседкой. Весь парк обходит система прудов, соединяющихся с озером, расположенным рядом со зданием. Часть дубов парка вырублена, а несколько прудов заросло и завалено мусором. В центре парка, на самом высоком месте холма, располагается сама усадьба – большой каменный дом с деревянным мезонином и с деревянным флигелем напротив. Недалеко от флигеля сохранился за парком скотный двор и каменный амбар. Здание перестраивалось во второй половине XIX века.

Сейчас это – одноэтажный, каменный на высоком цоколе дом с мезонином. П-образный в плане. Архитектурный стиль – барокко, электика.

В ансамбль усадьбы входит неплохо сохранившаяся церковь Воскресения, возведённая, как уже было упомянуто, в 1768 году стараниями и на средства генерал-аншефа К.Б. Бороздина. Церковь бесстолпная, одноапсидная. К квадратному в плане четверику примыкает прямоугольная апсида, с запада – также прямоугольная в плане трапезная, стопообразная шестиярусная колокольня с главкой. Над четвериком располагается широкий круглый световой барабан с куполом. Храм построен в стиле позднего барокко, материал – кирпич, стены

оштукатурены.

В процессе сбора информации о помещиках Опочецкого уезда мне пришлось обратиться к известному петербургскому историку-генеалогу С.Д. Дзюбанову. Он, в частности сообщил мне, что вскоре будет опубликован его труд об истории рода Бороздиных и об усадьбе Ладино.

За усадьбой в Ладино, конечно же, никто не смотрит. И, как это не печально, на примере усадьбы мы видим, как с каждым днём следы истории всё сильнее стираются. В теребенской церкви примерно десять постоянных прихожан, и, конечно, их число не будет увеличиваться – молодёжь давным-давно уехала в город. Не нужно быть ясновидящим, чтобы предсказать закрытие теребенской церкви, окончательное вымирание деревень, названия которых – тоже своеобразные следы XVIII века. Но всё же, с другой стороны, если деревни всё те же, а церковь, несмотря ни на что, остаётся действующей, значит сегодняшний день – период упадка. Нужно просто верить в завтрашний день, сохраняя для него следы ушедшей старины.

Пушкинские места в Опочецком уезде

На первый взгляд кажется, будто XIX век нам ближе, чем XVIII. Но в деревнях, о которых идёт речь, следов истории, сохранившихся с XIX века, осталось гораздо меньше, а те, что остались, на данный момент в руинизированном состоянии. Действительно, сложно найти какой-либо след с того века, имеющий значение сегодня. Хотя в то же самое время Воскресенская теребенская церковь остаётся действующей и вполне популярной среди окрестных деревень, деревни XVIII века до сих пор живут… Чётких кадров XIX века не сохранилось, и нам приходится их проявлять, анализируя и додумывая.

Думаю, у многих XIX век ассоциируется с чем-то романтичным – усадьбами, церквями, графами, поэтами. Если судить по следам, оставшимся до наших дней, деревни, о которых идёт речь, действительно ассоциировались с провинциальными местечками, в которых жили отслужившие дворяне – об этой провинции любил писать Александр Сергеевич Пушкин.

Не секрет, что псковская область была тесно связана с Пушкиным – Пушкинские Горы хранят его имя, в Святогорском монастыре похоронен поэт. И описываемые места расположены всего в 18 км по прямой от Пушкинских Гор. Но интересен тот факт, что в прозе Пушкина иногда чётко прослеживаются упоминания об этих местах. В одной из «Повестей Белкина» А.С. Пушкина, ак именно, в повести «Метель», венчание главных героев проходит в таинственной церкви. Вероятно, поэт имел в виду одну из окрестных церквей.

Конечно, прямых доказательств подобрать невозможно, но есть весьма убедительные косвенные. В «Метели» во время вьюги герой спрашивает: «Далеко ли до Жадрино?». Вряд ли автор выдумал это название просто так – ведь рядом с означенными местами находится деревня Жадрицы, расположенная совсем недалеко от уже упомянутой деревни Ладино с недействующей каменной церковью. Любопытно, что в описываемые времена владельцами усадьбы в Жадрицах был не кто иной, как Пущин Павел Сергеевич (1785-1865), генерал-майор в отставке, член Союза благоденствия. Есть все основания предполагать, что они с Пушкиным были в тесных приятельских отношениях – Пущин основал в

Кишинёве масонскую ложу «Овидий», членом которой был Пушкин, посвятивший генерал-майору стихотворение «Генералу Пущину». Пущин был уволен от службы в связи с делом декабриста В.Ф. Раевского 30.02.1822, после чего с 1826 года жил в своём имении – с. Жадрицы Новоржевского уезда (в 1816 году за имением числилось 99 душ).

Вполне возможно, что церковь Воскресения недалеко от Жадриц служила прототипом той самой пушкинской церкви. Несмотря на это, не стоит упускать из виду, что в описываемом районе находятся три церкви, вполне подходящих к описанию места венчания в повести: упомянутые ранее церкви Воскресения в Теребенях и Ладино, а так же церковь Успения в селе Столбушино. Они расположены друг относительно друга своеобразным треугольником, и каждая из них могла чем-то привлечь поэта.

Церковь Успения Божией Матери была построена в 1787 году в стиле провинциальный классицизм. Церковь бесстолпная, типа «восьмерик на четверике, крестообразная в плане. К зданию примыкает прямоугольная в плане трапезная и трёхъярусная колокольня, а с востока – апсида. Решение фасада активное, двухцветное, материал – кирпич. Рядом со зданием церкви находится жилой дом постройки второй половины XIX века, возможно, дом священника.

Если судить по расположению относительно Жадриц, в этом плане в поставленной проблеме выигрывают церкви Воскресения в Ладино и Успения Божией Матери в Столбушино, однако в «Метели» описывался деревянный храм, так что вполне возможно, что именно теребенская церковь – единственный деревянный храм из всех трёх – вдохновила А.С. Пушкина на описание в своей повести конкретно этих мест.

Вероятнее всего, поэт путешествовал из Петербурга в Пушкинские Горы по Новоржевскому военному тракту (сейчас – шоссе Опочка-Новоржев) и проезжал мимо интересующих нас мест. Кое-где даже сохранились следы мощёной дороги, проглядывающие сквозь грунтовку. Ещё совсем не старые местные люди помнят, как ходили по этой мощёнке лет сорок назад и видели своими глазами, как настоящий след XIX века, пушкинской эпохи закрывается новой дорогой.

Усадьба Львовых в деревне Крулихино

Деревня Крулихино находится рядом с Теребенями, на перекрёстке с дорогой на Ступино. В центре деревни, если пройти мимо нескольких чужих огородов, можно разглядеть скрытое в разросшихся деревьях большое здание из красного кирпича. Это – бывшая усадьба графов Львовых, построенная во второй половине XIX века.

Автор и архитектор здания точно не известны, возможно, дом был построен графом Львовым, по некоторым источникам, членом Государственной Думы.

Говорится также, что деревня Крулихино была пожалована Львовым ещё Елизаветой Петровной (http://pskovobldad.narod.ru). В описаниях туристических маршрутов эта усадьба также именуется иногда усадьбой Львовых-Чихачёвых.

Однако историки И.Ю. Соснер и С.Д. Дзюбанов склонны считать, что крулихинские Львовы не были графами и не были связаны родственными узами со знаменитыми Львовыми, происходящими из Тверской губернии (например, Г.Е. Львов, председатель Временного правительства). Не были они также

родственниками знаменитого архитектора и поэта Н.А. Львова, поместье которого Алтун, довольно известное и сейчас, находилось в Новоржевском уезде.

С.Д. Дзюбанов нашёл у себя записи, из которых следует, что в 1817г. полковница Львова Елизавета Дмитриевна, урождённая Чихачёва, брала ссуду под залог своего имения в сельце Каралихине 9, дер. Федосееве 10, Сапронове 17, Сергееве 33, Рыкове 10, Лусковкине 20, Коровкине 14, Барлаеве 14, Зуйкове 20, Степанове 5, Юрьеве 18, Кругове 27, всего 197 душ мужского пола. По-видимому, Крулихино перешло к Львовым от Чихачёвых именно с Елизаветой Дмитриевной. Один из её детей – Павел Алексеевич, р. 2.07.1823, имел сына Алексея. Скорее всего, барский дом в Крулихино был построен именно Алексеем Павловичем Львовым (известен в 1876г. как корнет и опочецкий помещик), затем имение перешло по наследству его сыновьям – надворному советнику Павлу и статскому советнику Якову.

Сам усадебный дом (эклектика) построен в форме разомкнутого каре (прямоугольник). Парадное оформление главного фасада резко отличается от двух боковых. Центр выделен выступающим крыльцом-навесом, мощным ризалитом и бельведером (III этаж). К основному зданию примыкают хозяйские одноэтажные постройки декоративной валунной кладки с кирпичом (белорусский стиль), образуя внутренний большой двор.

Парк, входящий в усадебный ансамбль, сохранился в прежних границах, до сих пор там прослеживается изначальная планировка. С двух сторон партера, симметрично оси парадного входа, располагались подъездные аллеи. Детали в решении партера утрачены, частично уцелели посадки дуба черешчатого, липы мелколистной, лиственницы сибирской (120 -150 лет), а так же группа сирени и боярышника сибирского по южной границе партера. Сейчас партер заболачивается, густо засажен молодыми берёзами и тополями (20 – 25 лет). К северу от барского дома находился плодовой сад – «Северный» - сейчас он полностью занят жилым домом с огородом и сенокосом. Вдоль северной границы бывшего сада сохранился фрагмент ограды XIX века из булыжного камня.

На территории парка сохранилось несколько старинных деревьев, но, наверное, их скоро кто-нибудь срубит – ведь эти деревья, так же как и сама усадьба, плохо сохранились и никому не нужны.

О самих помещиках Львовых известно очень мало. Но мы можем видеть, что Львовы оставили свои следы в местной истории. И это не только полуразрушенная усадьба или могила на теребенском кладбище, но и действительно важный след, имеющий большое значение и на сегодняшний день – школа в Теребенях. Известно, что именно на средства Львова, владельца усадьбы в Крулихино, была образована школа (всего в одном километре от Крулихино). Раньше она была церковно-приходской. Первое деревянное здание было построено в 1894 году, тогда школа была трёхклассной, в ней работал один педагог – Татьяна Бардовская и священник Михаил Дубровский. Сегодня теребенская школа располагается в двухэтажном кирпичном здании.

Я всё ближе подбираюсь к современности. Слайды скоро станут цветными, «стоп-кадры» скоро оживут. XVIII и XIX века прошли, а ведь это была возможность что-то возродить – пускай незначительное в масштабе вечности, но всё же нужное и, надеюсь, не только для меня. Есть следы и есть время, от которого не нужно отставать несмотря ни на что.

Начало XX века

Я приступаю к XX веку. Это уже совсем близко к современности, и мы можем видеть последствия многих событий XX века чуть ли не на каждом шагу, в каждой деревне. С одной стороны, может показаться, что об этих событиях писать легче, чем о прошлых веках – сохранилось много следов, некоторые из которых становились следами уже на моих глазах, и, что самое важное, ещё живы люди, прекрасно помнящие то, о чём я собираюсь писать. Но поэтому-то писать о XX веке не так просто, как кажется вначале. Ведь всё то, что происходило с этми людьми во времена, о которых пойдёт речь, глубоко врезалось в их память, и это огромная ответственность – затрагивать эти воспоминания, так по-разному воспринимаемые ими.

Следы XIX века имели своё значение и в XX-м. Так, усадьба Крулихино, по-видимому, процветала. В документе «о выдаче ссуды» 1917 года указано, что «… общая площадь владений составляла 315 дес.1800 саж., в том числе усадебная земля 15 дес., лес дровяной 70 дес., луг заливной и сенокос 75 дес, пашни – 145 дес.». Господский дом был телефонизирован и сообщался с Опочкой и Новоржевом. В начале XX века в прилегающем к дому парке были высажены тополя белые, мощные стволы которых мы можем до сих пор видеть.

Но, конечно же, очевидцев событий первой четверти XX века в живых не осталось. Остались лишь воспоминания, самое яркое из которых – очерк Г.А. Гореловского «Предстоит возродиться». В школе мы недавно говорили о Первой Мировой войне - о сложных политических причинах и поводах вступления России в войну, о целях ведения войны и планах. Но понятно, что простому крестьянскому мужику, работяге, нужны земля да лошадь, и ему не интересно политическое положение России в данный момент – его интересует локальная ситуация, своё поле и свой урожай. Я не люблю пристально изучать природу людей, не буду и сейчас. Я знаю только, что крестьянину не нужно было идти на войну – то, за что ему сражаться, у него уже было. Недалеко от описываемых мест была прифронтовая полоса, хоть и считалось, что эти деревни находятся в тылу. У крестьян реквизировали лошадей, продукты, полученные благодаря их собственному труду, их мобилизовали в армию, отрывая от семьи и хозяйства, нажитого в течение многих лет и не одним поколением.

В очерке Георгия Гореловского «Предстоит возродиться» хорошо описано, насколько позитивно крестьяне поначалу восприняли Октябрьскую революцию. Принято считать, что события 1917 года негативно сказались на жизни крестьян и их хозяйства. Но в очерке Г. Гореловского очень чётко показано, что последствия революции, а конкретно, декреты о земле и мире, соответствовали всем нуждам и чаяниям крестьян. Наглядный пример – дед писателя Антонов Савелий Антонович, вокруг рассказа, о жизни которого и построен весь очерк. Ему был дан участок земли, на котором после страшных трудов на неплодородной и неблагодарной почве был возведён хутор с приличным хозяйством.

«К тому времени хутор у него был полностью разработан, …хозяйство было крепкое, и не знал дед, что никому оно, плоды его титанического труда, не достанется,..а всё пойдёт прахом,…всё пойдёт прахом» (2). Дед Савелий стал зажиточным крестьянином, обеспечив на тот момент будущее потомков, и мы уже

сейчас можем примерно догадываться, к чему это привело. Большевики подарили, а потом забрали. Но определённо одно: несмотря на последствия революции в масштабе всей страны, конкретно в этих местах некоторое время крестьяне жили, работали, налаживая хозяйство и процветая.

Отметим, что перемены позитивно восприняли не только крестьяне, работающие на поле. В 1919 году теребенская школа стала 4-классной, в это время её посещало 103 ребёнка. В 1932-33 учебных годах в школе открылись ещё два пятых класса, и она стала называться «Школой крестьянской молодёжи». В 1934 году к основному деревянному зданию школы пристроили ещё два помещения, и школа стала семилетней. В 1936 году в школах России ввелась должность директора, и теребенскую школу возглавил Всеволод Максимов.

В то же время жизнь Воскресенской церкви шла своим чередом, и с ней связано много трагических моментов. Анализируя судьбы церквей в России, как в больших городах, так и в деревнях, после прихода к власти большевиков, можно прийти к выводу, что теребенская церковь чудом оставалась действующей. При чём чудо – это не случай, а усилия героических людей, так называемой «церковной двадцатки», о которой рассказывают как Г. Гореловский, так и нынешний священник церкви Георгий Мицов. Как правило, сельскую церковь не закрывали, если у неё было как минимум двадцать постоянных прихожан. В те тяжёлые времена даже просто регулярное посещение церкви прихожанами часто могло обернуться против них самих, и, конечно, мало кто решался в открытую бороться за свою действующую церковь. Люди их «церковной двадцатки» изначально были членами церковного хора и, будучи религиозными активистами, прекрасно понимали, что рискуют попасть в лагерь. Особенно опасно было быть церковным старостой. Старост и членов «церковной двадцатки» сажали и ссылали, но на их места всегда приходили новые. Так Воскресенская церковь и продолжала существовать, благодаря любви героических верующих людей, постоянно подвергавшихся гонениям.

Коллективизация

Вскоре всё изменилось – даже усадьба в Крулихино после революции перестала быть барским домом. Весь усадебный ансамбль пришёл в упадок – многие хозяйственные службы исчезли с лица земли, сильно пострадал парк. Никто, конечно же, не заботился о культурной ценности усадьбы – в здании размещались медицинский пункт, контора колхоза, и даже некоторое время сдавались квартиры на втором этаже. Наверное, там жили рабочие, не имевшие в тех местах своих домов. Интересно, что на этом функции барского дома не заканчивались. Из мемуаров Иды Миримовой «Пояснения к семейному альбому» следует, что она, проведшая своё детство в Опочке, в седьмом классе вместе с одноклассниками была отправлена именно в колхоз Крулихино для помощи в сборе урожая. «Располагалась наша спальня в большой комнате помещичьего дома, по стенам стояли нары в виде буквы «Г», на нарах лежало сено, вот и все удобства» (5). Ида Миримова пишет, как много работали школьники и как уставали настолько, что сил на свободное время уже не хватало.

События первой половины XX века, коллективизация, кардинально переменили жизнь многих людей. Рассмотрим судьбу крестьянина, опять-таки, на

примере судьбы Савелия Антонова, описанной в очерке «Предстоит возродиться». Он не хотел вступать в колхоз, и вполне логично объясняется, почему. Человек построил хутор в Каменце, находящемся недалеко от Крулихино, его хозяйство процветало, и, скорее всего, он просто не понимал всей серьёзности сложившейся ситуации. «Переезжать надо было, постройку перевозить, заново ставить, обживаться – не хотел. А чтоб переселиться в чужое или каменное, барское – он и слышать не мог» (2). Всё началось с того, что у Савелия Антоновича отобрали коня. А ведь крестьянин без коня, как без рук: невозможно такую землю возделывать вручную. «На хутор пришла сельскохозяйственная комиссия во главе с районным начальником, руководившим «всеобщим и единогласным» вступлением в колхоз, переписала все от трубы до горшка и от самого деда до курицы. Затем деду поверх продналога, поверх ещё взимавшегося налога самообложения был спущен план индивидуального налога, а сам он обозначен как кулак и хозяйство его – кулацкое» (2). Никто не сомневался, что Савелий Антонович налог не выполнит – он и не смог, ведь не было коня. Дед Савелий был отдан под суд и вместе с семьёй был объявлен лишенцем – человеком, лишённым всех гражданских и имущественных прав. Его приговорили к десяти годам заключения и отправили в Кресты Ленинградской области.

Семья Савелия Антоновича осталась без крова, вообще без какого-либо имущества – всё перешло колхозу. Его жена и незамужние дочери расселились у своей родни – кто где, в основном, «на птичьих правах». Вернувшись из заключения (в 1937 году, будучи выпущенным, раньше в связи с амнистией по случаю принятия новой Конституции 1936 года), Савелий Антонович собрал свою сократившуюся семью и обратился в правление колхоза с просьбой о вступлении и о выделении участка земли. И тогда люди, лишившие Савелия Антоновича свободы, крова, имущества не приняли его в колхоз под предлогом того, что у него ничего нет и неизвестно, каким он стал после заключения. Савелия Антоновича записали в единоличники и выделили участок…

«- Ну, Нюшок, радуйси, - вернулся из сельсовета дед. – Отвела нам власть хуторок… Барские фундаменты за большаком.

Бабка опустилась на лавку и завыла…» (2).

…Сейчас, смотря на это место, невозможно сказать, что вместо красивого дома на живописном холмике здесь была груда неподъёмных камней и обломков старого фундамента бывшего здания почты. Но кое-где на этом участке всё же попадаются камни – единственное, что не смог исправить Савелий Антонович, полагаясь на свою фантастическую выносливость и твёрдость.

У крестьян были свои хутора, своё хозяйство, нажитое кровавым потом. Коллективизация для них означала необходимость бросить всё, строить заново, каждый день проезжать большие расстояния от деревни до своей земли, чтобы её обработать. А иначе и быть не могло – земля малоплодородная, и каждому нужен большой участок, чтобы прокормить себя и свою семью. Однако, несмотря на многочисленные недовольства крестьян по поводу создания колхозов, были и люди, искренне веровавшие в правильность коллективизации и призывавшие других вступать в колхозы и работать изо всех сил. Таким человеком был Пётр Николаевич – идейный коммунист и активный участник колхозного движения. И это отнюдь не означало, что он не заботился о своём и чужих хозяйствах. Топаж Галина Александровна – племянница Петра Николаевича и моя бабушка –

рассказывает, как активно он призывал крестьян выкапывать плодовые растения с раскулаченных участков и пересаживать на свои территории, чтобы хорошие сорта не пропадали зря. Его никто не послушал, и, в результате, только он сам пересадил себе несколько кутов красной смородины высшего сорта. Сейчас дом дяди Пети принадлежит нам, а местные жители вот уже 70 лет удивляются, почему у нас такая вкусная смородина. Эта смородина – тоже след, след крушения и появления новых надежд.

Великая Отечественная война

С самого раннего детства нам рассказывают о Великой Отечественной войне – и это правильно – нужно уважать свою историю, любить своих защитников, учиться на своих исторических ошибках. С самого раннего детства нам привили понимание войны как страшной тёмной эпидемии, ужасной для всех, без разбора – и для крестьян в том числе. Но, как я уже говорила, в локальной истории, в этих нескольких деревеньках, многие люди до сих пор неоднозначно относятся к войне – оккупации, работе на немцев, партизанам. Так стоит попробовать разобраться, что же там было и каково было людям.

Крестьяне работали в колхозах, и всё принадлежало колхозам. Если анализировать этот факт с точки зрения современной морали, им просто не для кого было выполнять этот страшный труд – ведь понятно, что на возделывание их собственных участков времени почти не хватало. Сейчас люди бы сказали, что это была «неблагодарная» работа.

Но вот началась война. Немцы оккупировали описываемую территорию. Следы военной истории можно рассмотреть во всём – даже в том, что я живу на свете. Ведь в 1941 году семья, состоящая из моей бабушки, которой было тогда всего два месяца, её мамы, бабушки и двоюродного дедушки прятались в подвале уже упомянутого дома в Ступино. Немцы, вошедшие в деревню, боялись партизан и, услышав мужской голос, доносящийся из подвала, кинули туда гранату. Взрывной волной убило мою прапрабабушку. Загорелось марлевое одеяльце, покрывавшее корзинку, в которой лежала бабушка, и она чудом осталась в живых.

Люди по-разному воспринимают немецкую оккупацию – ведь подобные ужасные случаи случались со многими, но крестьянам приходилось жить среди немцев и работать на них, составляя своё субъективное мнение об оккупантах. Здесь интересно вновь обратиться к очерку «Предстоит возродиться» и рассказу Георгия Гореловского, составленному из его детских воспоминаний и воспоминаний его матери. Писатель рассказывает, что немцы тогда утвердились в этих деревнях и стали налаживать ситуацию – пусть руками крестьян, но налаживать. «Немцы руками крестьян взялись вывозить с полей камень, выравнивать участки, прочищать заплывшие канавы, строить дороги, наводить мосты, ремонтировать плотины, пахать и сеять столько, сколько позволяла имеющаяся рабсила и её послушание. Труд был знакомый, но подневольный, труд, который нельзя было делать и невозможно совсем не делать» (2). Здесь я хочу прибегнуть не только к очерку, но и к общим воспоминаниям и впечатлениям очевидцев. Да, крестьян насильно заставляли работать на оккупантов, но за плату. Они работали столько же – от зари до зари, зато знали, что плоды их трудов можно продать и получить за это деньги. Выходных не было – только по религиозным

немецким праздникам, труд был каторжный, и техники не было, но оккупанты раздали лошадей по наиболее сильным дворам и дали возможность работать. Многие считают, что работа на немцев весьма положительно сказывалось на крестьянском труде – крестьянин знал, для чего ему нужно было возделывать землю – он видел немцев перед собой, тогда как, трудясь в колхозе, он не видел того «барина», на которого нужно работать. Немцы могли найти с крестьянином общий язык. Например, Г. Гореловский рассказывает, что его двоюродного брата немцы вылечили от малярии.

Однако это отнюдь не значит, что в описываемых деревнях не было строгого режима. Большое количество полицаев, их жестокое, по рассказам очевидцев, отношение к крестьянам – одно из тех немногих событий в описываемой истории, однозначно негативно воспринимаемых местными жителями. По рассказу Г. Гореловского, на этом месте следили за порядком полицаи, в основном, украинские. Располагаясь в самом центральном месте в Крулихино, - на третьем этаже барского дома – они, по рассказам, стреляли в крестьян, не желавших работать. Вот и ещё одна функция барского дома. В ходе всей войны в нём также будет располагаться немецкий военный госпиталь.

Любопытно, что если в деревнях, о которых идёт речь, до сих пор ощущается давняя ненависть к бывшим полицаям, то во многих европейских странах они считаются героями, имеют много наград и льгот и получают большую пенсию.

Если рассматривать Великую Отечественную войну в сельской местности в масштабе страны, можно сделать общий вывод, что полицаи были струсившими предателями родины, с которыми невозможно найти общий язык, а партизаны – доблестными защитниками своего отечества, ставившими своей священной целью защитить свой народ. Партизаны были людьми, перед которыми крестьянин преклонялся, на которых уповал как на своих защитников.

В той местности, о которой я пишу, отношение к партизанам было совсем неоднозначное. В сороковых годах в описываемом районе ещё не было тех густых лесов, которыми сейчас славятся Ступино и окрестные деревни. Поэтому и активного партизанского движения, как в богатых густых белорусских лесах, не могло быть. Но были героические люди, совсем мальчики, которых не взяли на фронт, потому что они не достигли восемнадцати. Этих юношей называли «одиночками» - их было совсем мало, и немцы практически всех расстреляли. Впечатляет рассказ Галины Александровны Топаж (девичья фамилия Павлова) об этих событиях. Но, поскольку бабушка родилась в 41-м году, она, конечно, не помнит или помнит смутно события войны. Её воспоминания в основном почерпнуты из рассказов её матери и других очевидцев, самый яркий из которых – рассказ и впечатления её родственницы Марии Першиной. Родственник Галины Александровны Михаил Антонов некоторое время находился в партизанском отряде около деревни Раково близ Чёрного и Белого озёр. Леса в той округе ещё во времена войны славились своим богатством. По рассказу Марии Першиной, один предатель проведал о партизанской стоянке и решил доложить об этом местному немецкому начальству. Жители не помнят, кто это был, но рассказывают, что нашёлся человек, предупредивший партизан о приближающихся немцах. Когда доносчик привёл фрицев на место стоянки, угли, оставшиеся от костра только-только дотлевали…

Георгий Гореловский рассказывает, что лесов с высокими деревьями не было,

были кустарники, за что местные жители и прозвали большую часть партизан «подкустовниками». Но судя по тону, каким они говорят о «подкустовниках», есть и другая, более веская, причина так их называть. Г.А. Топаж рассказывает, как откровенно некоторые люди, мнившие себя партизанами, грабили людей, забирая у них продовольствие, одежду. По словам бабушки, её мама однажды, когда война уже закончилась, видела на человеке, вошедшим однажды в её дом, костюм своего мужа, бабушкиного отца, погибшего на фронте. Заходя в чей-нибудь дом, «партизаны» обрекали всю деревню на расправу со стороны немцев. Поэтому, на мой взгляд, имеет место и моё предположение, что «подкустовниками» этих людей назвали потому, что они не были настоящими партизанами – они грабили людей, сознательно понимая, что подписывают смертный приговор целой деревне, трусливо прятались «под кустами». Как я уже говорила, следы истории можно найти всюду – и в том, что я живу, и в том, что чудом сохранились места, о которых я сейчас пишу.

Воскресенская церковь за всю историю своего существования никогда не закрывалась, даже в войну. Георгий Гореловский рассказывает, что женщин заставляли убираться в церкви: мыть полы, реставрировать интерьер и внешнее убранство здания, пострадавшие в ходе военных действий. Местные женщины до сих пор вспоминают, как они лезли под самый церковный купол по лесам. Если понятся на колокольню Воскресенской церкви, можно увидеть на стенах несколько надписей разных времён. Среди них сохранилась и немецкая надпись: «Bitte antwort nach kriegsende. Ernst Schuhl, Hamburg 27, Grosmoon Str…Jos Grunefelg, Munster…1942». «Пожалуйста, напишите туда после войны». Несколько лет назад матушка Валентина отправила письма в Западную Германию семьям этих солдат. Через некоторое время сюда приезжал сын этого самого Иоса Грюнфельда со своей семьёй. Эта надпись на колокольне Воскресенской церкви в Псковской глубинке стала единственной весточкой для родных второго солдата – рядового Эрнста Шуля, сгинувшего где-то в этих краях, в которых даже свои зачастую оказывались чужими.

Следы войны везде, и они заставляют нас помнить о ней. Живы люди, всё помнящие, всё пережившие. Не нужно прятаться от того, что уже произошло – нужно досконально разобраться во всём, где-то оправдывая себя, а где-то коря, и учиться на своих ошибках Георгий Гореловский в пруду около своего дома нашёл хорошо сохранившуюся гранату. В Ступино после войны обнаружили захоронение солдата, и то и дело местные мальчишки находят части военной формы или гильзы от патронов, что служит для них огромной радостью.

Вторая половина XX века

Я подобралась к прошлому, ещё вчера являвшемуся современностью. Теперь я могу узнать об интересующих меня событиях не просто от очевидцев, а от своих ближайших родственников – бабушки, дедушки и даже родителей. Всё, что происходило во второй половине XX века, ещё во многом ощущается, а в следах ещё чувствуется дыхание времени.

Теребенская церковь пережила всё и осталась действующей. В течение сорока лет, с момента освобождения Псковской области от немецкой оккупации её настоятелем был отец Василий Птичкин. Сколько пришлось ему пережить за эти

годы, нам уже, наверное, никогда не понять. За верность своему служению пришлось ему хлебнуть и лагерной жизни и бесконечных унижений от районного и партийного начальства. Неоднократно церковь порывались закрыть, однако она живёт и поныне. И нынешний священник отец Георгий в каждом разговоре подчёркивает, что основная заслуга в этом принадлежит именно Василию Птичкину.

В хрущёвские годы и последовавшее за ним «время застоя» сельское хозяйство в псковских деревнях стало окончательно разлаживаться, да и сами деревни стали умирать. И причины такого спада чётко прослеживаются. Первая причина – политическая. После войны аукнулись следы коллективизации 30-х годов – убитое в крестьянине чувство единения с землёй, чувство хозяина. Вернувшись с войны, Пётр Николаевич Николаев, о котором я говорила ранее, стал председателем колхоза «Организатор». Жёсткими методами он заставлял крестьян работать с утра до ночи, в будни и праздники. Местные женщины вспоминают, как он заходил по воскресным утрам в их дома и заливал только что затопленные печи водой, чтобы все шли работать. Ведь в деревенской избе с сырой печкой ничего не приготовить, и приходилось бросать на полдороге домашние хлопоты и выходить в поле. Тем не менее, несмотря на категоричные и жестокие методы, Пётр Николаевич много сделал полезного для местного хозяйства. Хотя до сих пор многие и поминают его недобрым словом, его деятельность во многом заслуживает уважения – именно по его инициативе были поставлены водонапорная башня и колонки в Ступино, именно он настоял на том, чтобы выкопали ступинскую дорогу, не зарастающую травой до сих пор. И всё же колхозная жизнь была очень тяжела для людей и напоминала рабство.

Вторая причина умирания псковских деревень носит гораздо более объективный характер и не сводится напрямую к тем или иным ошибкам политического руководства. Дело в том, что в сельской местности люди были привязаны к крестьянскому труду. Но с течением времени, привыкнув к обыденному, неизменяемому образу жизни, люди вдруг увидели, что можно жить иначе. Всю свою жизнь они возделывали эту ужасную, неплодородную почву, уповали на капризный псковский климат, и вдруг солдаты, повидавшие мир, вернулись с войны, а к тому же появилось радио, благодаря которому крестьянин мог узнавать, что происходит за границами его деревни. После паспортизации молодёжь поняла, что можно уехать от этого каторжного, неблагодарного труда. Молодые ринулись в город, в деревнях же оставались только старики, привыкшие к укладу жизни, который был характерен для их предков на протяжении веков.. В очерке Георгия Гореловского написано, что его тётя Наталья Савельева поселилась в Ленинграде, первоначально устроившись на заводе. Впоследствии через неё её родственники, в том числе и Г. Гореловский, устраивались на работу и учёбу в городе. Те, кто хорошо учились в сельской школе, уезжали с намерением поступить в ВУЗ и устроить своё будущее.

Теребенская школа в 1953 году стала средней, в 1956 году состоялся её первый выпуск 30-ти десятиклассников. За 110-летнюю историю школы аттестат о её окончании получило около тысячи человек, и до сих пор школа больше всего гордится двумя своими выпускниками – Топаж Галиной Александровной и Гореловским Георгием Александровичем. Блестяще окончив школу, Галина Александровна в семнадцатилетнем возрасте уехала в Ленинград. Сейчас она

преподаёт немецкий язык в Санкт-Петербургском Государственном университете. А Георгий Александрович окончил мореходное училище, работал на Крайнем Севере, затем учился в Литературном институте и стал замечательным писателем. В настоящее время он преподаёт русский язык и литературу в теребенской школе.

Молодёжь уехала из деревень, уровень сельского хозяйства резко понизился. С конца 60-х и почти до начала перестройки советская власть предпринимала лихорадочные попытки остановить отток молодёжи из деревни и поднять сельское хозяйство. Место колхоза занял совхоз. Теперь крестьянин трудился на казённой земле, но получал за это чёткую, регулярно выдающуюся зарплату. Даже мои родители помнят о множестве пропагандистских компаний, ставивших своей целью удержать молодёжь на селе. Один из этих лозунгов – «Нечерноземье – передний край», призывающий «бороться с неблагоприятными условиями и обеспечить условия для роста культурных растений». В развитие сельского хозяйства были брошены огромные и, как правило, абсолютно бездумно расходуемые (а зачастую и разворовываемые) средства. Огромное количество денег уже на памяти моего отца было закопано в землю в ходе так называемой «гидромелиорации». Это мероприятие неузнаваемо изменило ландшафт местности (исчезли старые межевые леса, богатые грибами и ягодами, на пойменных лугах были прокопаны осушительные каналы). Мероприятие оказалось абсолютно бесполезным, да и не было доведено до конца. Зато экология описываемого края оказалась непоправимо нарушенной. Была проведена «химизация» - вбухивание в почву абсолютно необоснованных норм минеральных удобрений. Единственной реальной отдачей от этого явилось засоление грунтовых вод, а вот достижение голландских урожаев зерновых по-прежнему почему-то никак не наступало.

Невозможное невозможно, и вслед за первым лозунгом последовал второй: «Животноводство – ударный фронт». На повышение производительности в животноводстве были брошены огромные силы. Во многих центральных хозяйствах были построены новые для того времени механизированные фермы, снабжённые механическими поилками, лебёдками для автоматической доставки кормов к стойлам, доильными аппаратами. Почти во всех деревнях установили водонапорные башни, провели электричество. При этом поражает тот факт, что Крулихино было электрифицировано лишь в 1969-м году, а Ступино – вообще в 1972-м! Через 50 лет лампочка «кремлёвского мечтателя» дошла до русского крестьянина! На полях появилось большое количество продвинутой сельскохозяйственной техники, стали использоваться современные тракторы, выпускаемые отечественными фирмами.

Сегодня ещё можно повсюду увидеть следы бесплодных попыток наладить сельское хозяйство «в промышленном масштабе» - огромное количество полуразрушенных ферм, внутри которых до сих пор ржавеет когда-то новая и дорогая техника, и груды металлолома на заброшенных полях.

Перестройка. Реалии и перспективы

Время течёт необратимо. Сельских жителей становится с каждым годом всё меньше и меньше. И это вымирание деревень началось, когда и крестьянам, и власти стало ничего не нужно. После перестройки развалились колхозы и совхозы, власти перестали закупать у местных жителей молоко. А раньше в каждой деревне

стояли такие специальные молочные столы, к ним в означенный час подъезжала машина и забирала содержимое бидонов и вёдер… Эти столы ещё сохранились, и я помню, как дети устраивали на них шалаши.

Ещё я помню, как мимо нашего дома лет 10 назад проводили целое стадо коров. Сейчас в Ступино три постоянных пожилых жителя и всего одна корова. Поля ничем не засеваются. Больше того, ещё мой папа помнит, как «нарезали» из оставшихся от совхозных полей неугодий участки для личного покоса, какие вокруг этого были споры и страсти. Теперь коси, где хочешь – хоть на заросших полях и незачем косить. От всей «хозяйственной деятельности» остались только мародёры, бессовестно ворующие лучший местный лес под предлогом уборки бурелома.

Много следов осталось, и, смотря на них, с горечью понимаешь, что уже немногие видят в них признаки своего времени. Наше Ступино умирает, и скоро там никого не останется. Перспективы мрачные, но правдивые. Но на примере этого маленького уголка России – Болгатовской волости Опочецкого уезда Псковской губернии – можно сделать вывод, что настоящая история – это не цепь последовательных, ожидаемых событий, а сплошные нюансы, исключения из правил, одно из которых, быть может, продолжит предыдущие и спровоцирует последующее развитие богатой истории родного мне уголка моей страны.

Мой папа однажды в течение полугода работал в маленьком немецком городке на границе с Польшей. Он рассказывает, что больше всего удивило его то, что несмотря на все достижения цивилизации, остаётся чёткое впечатление, что время в этом городке остановилось. Как двести лет назад, каждое утро под бой церковных часов по утоптанной тропинке идут в школу (которой двести лет) чистенькие немецкие дети, делая книксены всем встречным и говоря им (знакомым и незнакомым) «Гутен Морген». Папа спросил своего немецкого шефа, как удаётся им так бережно хранить свои традиции, свою природу и т.д. И тот, попыхтев, перевёл ему в ответ на русский язык (а учился папин шеф в Донецке) старую немецкую пословицу. Она звучит так: «Мы не получили нашу землю в наследство от наших родителей. Мы взяли её взаймы у своих детей».

Мы же зачастую даже не замечаем, и уж тем более не бережём следы истории, которые достаются нам от предыдущих поколений. А ведь даже этого будет недостаточно для настоящего обустройства нашей жизни и нашей страны. На самом деле, стоит задуматься и о том, какие следы на земле останутся после нас для изучения нашим потомкам.

Список литературы и источников.

1. «Вести» - Санкт-Петербург» Теребени – специальный репортаж, 25
2. Гореловский Г.А. Предстоит возродиться. М., 1989г.
3. Лепский Ю. Метель или венчание в Теребенях. //Труд №112 21.06.2000г.
4. Макеенко Л. Замечательные люди Опочецкого уезда. Опочка, 1997г.
5. Миримова И.Ю. Пояснения к семейному альбому. Рукопись, 2004г.
6. Софийский Л.И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414-1914). Псков, 2004г.
7. http://education.pskv.ru
8. http://new.pln.pskov.ru
9. http://www.opskove.ru

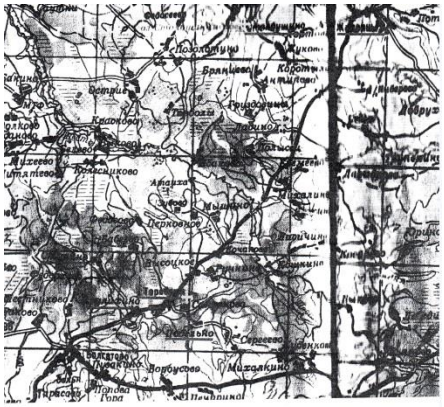

Рис. 1. Окрестности Болготовской волости

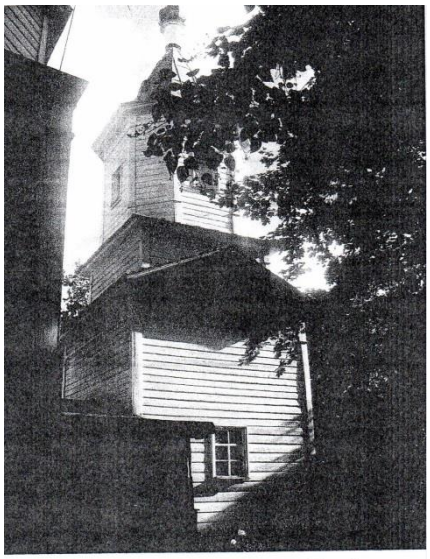

Рис. 2. Воскресенская церковь в Теребенях

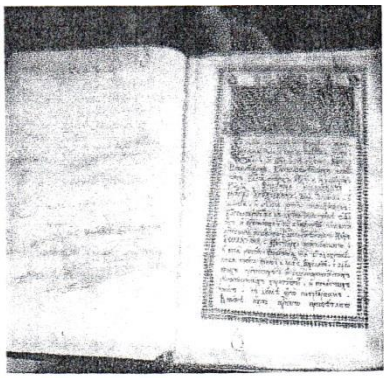

Рис. 3. Книгу XV в. и правда можно потрогать…

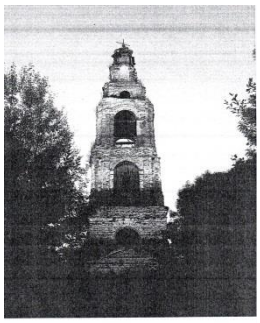

Рис. 4. Развалины церкви в Ладино

Рис. 5. Следы старой мощенки на шоссе Опочка-Новоржев

Рис. 6. Руины усадьбы Львовых в Крулихино

Рис. 7. Савелий Антонов

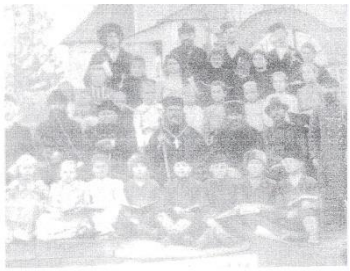

Рис. 8. Церковный хор теребенской церкви в 1912 году

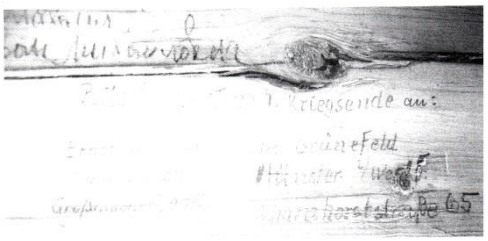

Рис. 9. Надписи времен войны на колокольне теребенской церкви

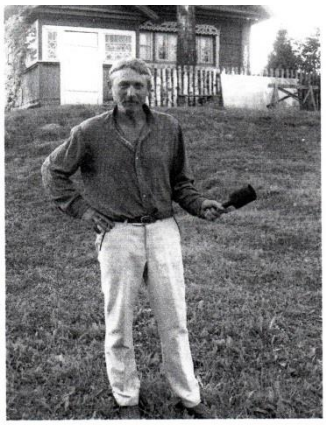

Рис. 10. Писатель Г.А. Гореловский со своей находкой

Рис. 12. Сегодняшний вид теребенской школы

Рис. 13. Руины совхозной фермы. Такие есть почти в каждой псковской деревне.

Рис. 14. Бывший «молочный стол»